



СОДЕРЖАНИЕ



Вместо ПРЕДИСЛОВИЯ	7
Глава 1. НЕМЕЦКИЙ САМОРОДОК	10
Глава 2. ТАНГО ВТРОЕМ	42
Глава 3. АНГЕЛЫ И ДЕМОНЫ	79
Глава 4. КУЗНЕЦ СЧАСТЬЯ.....	105
Глава 5. КОРОЛЬ ГОРДЫЙ	131
Глава 6. ВОЙНА МИРОВ	158
Глава 7. ПРОСТО МАРИЯ	184
Глава 8. МАСТЕР И МАРГАРИТА	214
Глава 9. СОЛДАТЫ НЕУДАЧИ	236
Глава 10. СЕКРЕТЫ ЛАБОРАТОРИИ.....	251
Глава 11. ВУНДЕРКИНДЫ РОССИИ	274
Глава 12. ОЖЕРЕЛЬЕ ИЗ «ЯНТАРЯ»	295
Глава 13. КРУГ СИЛЫ.....	319
Следы НА ПЕСКЕ (ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ)	343

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ



«Предисловие» — жанр сомнительный

Писать предисловие к любой книге опасно и ответственно одновременно. Зачем оно? Если это Иосиф Бродский или Иван Бунин и «предисловец» расшифровывает читателю своими словами гениальные стихи или прозу, его могут госпитализировать. А если это вялая графомания, то никакая блистательная аннотация не спасет и вступление вызовет у читателя презрительную иронию или даже ненависть, если он дочитает до конца.

В данном случае повествование соткано из биографии давно мне знакомого и дорогого человека. И я бы свою скромную запись назвал не «предисловие», а «предвкушение». Предвкушение удивления перед мощнейшей фигурой, олицетворяющей уникальный комплекс полноценностей.

Мои эмоции, конечно, невозможно вместить на одну страницу. Поэтому восклицаю

лозунгом: Чайковская — субъект глобального бесконечного удивления! Удивительная женственность и красота (что не синонимы) при железной воле и пронизательном остром уме. Трогательнейшая круглосуточная забота обо всех, кого она любит и «курирует». Архипрофессиональный тренерско-педагогический талант, неиссякаемый ни с годами, ни с ситуациями. Детская «алчная» любознательность ко всему, что происходит в мире искусства.

Знаю по себе (не понаслышке), что с возрастом все чаще тянет к спячке, к берлоге в любое время года — отсюда апатия и припадочки склероза.

Однажды придумал, что склероз — это не когда что-нибудь забываешь, а когда забываешь, где записал, чтобы не забыть. Чайковская помнит всё (она, например, помнит наизусть все возможные и невозможные телефоны, любой текст она с ходу читает справа налево — не на иврите, а на русском туда и обратно).

Она моментально реагирует на беду и щедро максимально. Правда, иногда ее зашкаливает — пару раз назвала меня гением (конечно, из сострадания).

Леночка очень много для меня значит. Както, поднатужившись, я придумал двусмысленное название ее фирмы «Конек Чайковской». Ей понравилось, и я счастлив.

Когда вы прочтете сей искренний монолог Чайковской, то ощутите, что он вырывается

КОНЕК ЧАЙКОВСКОЙ

за рамки единичной судьбы – это яркий срез биографии нашей многострадальной Родины.

Сегодня плюнуть нельзя без рекламы. Боясь показаться старомодным, рекламирую: ПРОДАЙТЕ АЙФОНЫ, РАЗБЕЙТЕ ЧЕМ-НИБУДЬ КОМПЬЮТЕРЫ, ВЫКИНЬТЕ В ФОРТОЧКУ ТЕЛЕВИЗОР – ЧИТАЙТЕ ЧАЙКОВСКУЮ!

Прочитав один раз, второй будете читать бесплатно!

Александр ШИРВИНДТ



Немецкий самородок

«Жена главного режиссера Театра Моссовета Юрия Завадского, великая балерина Галина Уланова жила вместе с его труппой в Доме колхозника Алма-Аты. Получала дополнительный паек. А я, пятилетняя, постоянно пробиравалась под ширмами и полотнами, за которыми обитали народные артисты Советского Союза, к Улановой. И прима Большого театра меня, любопытную «немку», подкармливала шоколадом из артистического пайка...»

Сегодня многие начинают изучать свою родословную — в надежде отыскать какие-то благородные корни. Появляются новые русские дворяне. Графини с баронами, князья с княгинями...

Мне искать в архивах ничего не надо. И выдумывать того, чего не было, тоже не нужно.

Я достаточно хорошо знаю истоки своей семьи, часть которой, как и многие в нашей стране, попала под каток репрессий.

Мой папа, Анатолий Осипов, прослужил всю жизнь в славном, знаменитом Театре Моссовета. А родом он был из калужского села с хрустальным именем Самородки.

Так что я, урожденная Елена Осипова, наполовину из Самородков.

Мать с отцом познакомились до войны — в театральной студии.

Папа был потрясающий актер. Он фантастически пел и замечательно танцевал. Когда нас с матерью выслали из Москвы в невообразимо далекий казахстанский Чимкент в 1941 году, отец остался служить в театре. Перед ним не стоял выбор — «семья или работа». Жизнь была такова — и ее надо было принимать...

Папа четыре года с фронтовыми бригадами выступал, кажется, на всех фронтах Великой Отечественной. Читал бойцам поэму «Василий Теркин». И даже танцевал на палубе корабля Балтийского флота — в семейном архиве сохранилось такое фото.

А нам с мамой четыре года было не до танцев и песен. Нам просто нужно было выжить.

До войны на запад от Москвы, на Минском шоссе, стояли дачи Театра им. Моссовета. И мы там жили, в поселке Жаворонки. Сейчас это престижное, дорогое, плотно застроенное

особняками место. Такие места в Москве теперь принято называть «стародачными».

А тогда, осенью 1941 года, гитлеровцы подходили к Москве и меня с мамой, как фольксдойче, то есть исконных немцев, живущих в России, выслали подальше — с глаз долой из сердца вон. За три тысячи километров от столицы. В Южный Казахстан.

Почему мы оказались в числе немцев? В маминой метрике стоит запись «Татьяна Пастухова». Но вообще-то она по матери Гольман — или, если соблюдать правила немецкого произношения, Хольман.

Ее мама умерла от рака, когда девочке едва исполнилось 4 года. У мамы были сестра и брат. Всех троих подобрала бабушка Гольман, дочь барона Гольмана.

До революции это был уважаемый в России дворянский род. Довольно богатый. С доходными домами. После революции 1917 года большую часть недвижимости, конечно же, у семьи отобрали. Например, знаменитое подворье в Сокольниках.

Другая ветвь маминого рода тянется к изготовителю фарфора Барулину.

На фарфоровой мануфактуре прадеда специально для свадьбы моей бабушки изготовили сервиз на 400 персон. Тончайший был фарфор, розовый с белым.

То есть у семьи имелась интересная история. Особенно по маминой линии. И даже

при советской власти они смогли сохранить кое-какие накопления, несмотря на обыски и изъятия.

Когда началась война и стало понятно, что нас не сегодня завтра вышлют из столицы куда подальше, мать совершила то, что позже нас спасло в казахстанских степях. В мои колготки, в кофту и в платье, как-то очень грамотно и незаметно для тех, кто нас потом проверял перед высылкой, она вложила кисеты замшевые. Их, кажется, было всего три. Но они были большие, бархатные, плотные, на веревочках. В старые времена в таких табак держали. А мама в кисеты эти напихала под завязку царские золотые червонцы.

Часть монет дала в дорогу наша удивительная антисоветчица тетя Лиза. У нее была органическая ненависть к большевикам. Всегда говорила так: «Если бы эти не пришли, эх, как бы мы жили!»

Часть золота получили от тетки, а часть этих червонцев оказалась маминым наследством. Вот эти николаевские золотые монеты нас за годы ссылки в Чимкенте и спасли. Когда нужда совсем прижимала, мать шла менять один червонец на буханку хлеба.

Вместо паспорта, который у нее отобрали в НКВД при высылке, ей дали справку, что она и ее дочь — фольксдойче. Пойди — попробуй с такой бумажкой устроиться хоть на какую-то работу. Она помыкалась-помыкалась — и с тру-

дом устроилась на хлебокомбинат. Московскую ссыльную актрису взяли загружать-разгружать машины. Мать таскала мешки вместе со здоровыми мужиками. И, конечно же, надорвалась. Пришлось ей делать операцию.

Но вообще, конечно, я мало что помню из той азиатской ссылки. Однако годы в Чимкенте мне хорошо, внятно напомнили о себе позже — в Казахстане я замечательно легко работала открытую форму туберкулеза. Этот «подарок» обнаружился уже в Москве. И, кстати, во многом определил мою судьбу.

В самом конце войны Театр им. Моссовета, где служил мой отец Анатолий Осипов, приехал с гастролями в Алма-Ату, тогдашнюю столицу республики.

В то время, насколько я понимаю, стараниями художественного руководителя театра Юрия Завадского, маме и мне выдали разрешение приехать из Чимкента к отцу. Всего 700 километров между нами. Мы, конечно же, приехали.

Меня с мамой поселили в алма-атинском Доме колхозника. Там же разместили и всю труппу московских актеров. Вокруг за развешанными простынями и расставленными ширмами несколько недель жили лучшие артисты Советского Союза. Они были знамениты на всю страну и жили за перегородками, которые ни от чего не защищали.

Абсурдности происходящего я, сопливая

пятилетняя девчонка, конечно же, тогда понимать не могла.

А вот что в моей памяти сохранилось — шоколад от Галины Улановой. Балерина номер один СССР (а возможно, и лучшая танцовщица мира) и супруга режиссера Юрия Завадского в солнечную, мирную и сонную Алма-Ату была эвакуирована (как я узнала позже) вместе с труппой Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова. А в то время, когда мы пересеклись в Алма-Ате, Уланова уже стала примой Большого театра. Галина Сергеевна была еще молода, но уже известна всему миру — всем, кроме Ленки Осиповой, конечно.

«Жена главного режиссера» жила вместе с труппой его театра. Получала дополнительный паек. А я — у меня же свербило всегда — постоянно пробиралась под этими ширмами и полотнами к Улановой. И она меня, маленькую шустрюю «немку», подкармливала шоколадом из артистического пайка.

Столичные актеры, когда с ними живешь нос к носу день за днем, оказываются совсем другими людьми, нежели на экране и на сцене. Притом со своими удивительными профессиональными «фишками».

Будущий народный артист СССР и любимец всей страны, уже сыгравший в самой знаменитой советской комедии тех лет «Волга-Волга», дядя Сева Санаев, когда видел меня на горизонте, тут же начинал строить какие-то